

Наши общие тараканы

АРЧИБАЛЬД ЮРОДИ

Наши общие тараканы

При чём тут Африка? - Есть, есть рассказ и о ней. Молодые советские специалисты-преподаватели («Красиво звучит? Говно на лопате!»), посланники социализма в гостях у людоеда Бокассы, измотанные москитами и водкой, едут «на природу» - поохотиться на пигмеев, «маленьких ушастых обезьянок».

Сразу вспомнился фильм Бернара Тавернье на франко-колониальную тему. Там тоже белые несимпатичные колонизаторы не убеждены в существовании души у «нигеров», что даёт им ощущение мнимой силы и свободы. В рассказе Игоря Шесткова «прогулка» советских чело-веков с ружьём в джунглях заканчивается для них крахом, только не идеологическим, а физическим. Тихие джунгли бесшумно проглатывают их, и лишь один, теряя ответственность за свои жизнь и тело, успевает «размышлять о божественном и земном», делая удивительное открытие: «Солнце по небу не плывёт, а торчит всегда на одном месте».

Но не только в этой Африке гулять не советует нам автор, его география страха шире: Москва, Германия, Подмосковье, Израиль... Читая злые правдивые строки, чувствуешь и слышишь скрип чёрного песка и чавканье рыжих мазутных луж под его сандалиями. Пустынные дороги, не ведущие одинокого героя никуда...

Африка далеко, и её умершие мифы глядят на нас с фаюмских портретов, выбранных Игорем Шестковым в качестве визуального параллельного ряда, что уже больше и значимее, чем просто иллюстрация текста. Эти портреты выбраны автором из его детских тайников, из прошлого эмигрантского багажа, он клеивает их в книгу как в семейный альбом, силясь угадать в себе наследственные черты ушедших эпох. Фаюмский

портрет - «заместитель умершего», для Шесткова та часть прошлой жизни, что остаётся экзотической ушедшей красотой молодости.

Фаюмская тема вытаскивает из подсознания читателя публичные портреты «вечных старцев» политбюро, которые таранились со стен, внушая параллельный мысленный видеоряд-комикс о простом парне-супергерое, ввязавшемся не по своей воле в реальный диалог с колдунами вуду. Да разве ж с ними поговоришь, они тебя своими аргументами вгонят в могильный ступор.

Портрет «крепится на мумии на месте лица». Неконкретное лицо героя рассказов очерчивают лишь реальные события и окружение, родственники, друзья, враги, попутчики, просто психи. И Россия в рассказах лишена нынешнего лица, неумело и коряво припудривая свой линиялый портрет из прошлого, вечно надеясь на «никогда не наступающее светлое будущее».

Россия - «шикарная, но вульгарная» дама с «томной усталостью от богатства и могущества криминально-нахрапистых мужчин». Россия, в среднем, «ну да, стала лучше. А может, и нет. Не знаю я. Вроде лучше...» В общем, ни то, ни сё, ни тпру, ни ну... Список характеристик можно продолжить. Нет общей национальной идеи? Мозгов нет, кончились, выбивать больше нечего, как в старом анекдоте про кассу в продмаге.

Невольно пытаюсь сверять рассказы с реальным миром. Это сравнение не в пользу реальности, потому что всё совпадает. И не потому, что Шестков - реалист или правдолюб. Наблюдатель, он, как мастеровой, сплетает множество реальностей отдельных рассказов в кружево спутанной рыбацкой сети, в которой читателю-археофилу-археоптериксу заманчиво покопаться в поисках пионерской зорьки и расхлябанных башмаков ушедшей эпохи имени скорохода.

Ностальгический кокон пионерского детства с его розовыми, на фоне вылинявшего солнца, галстуками не удержал героя. Он заболевает взрослостью, едва оправившись от недуга затянувшейся детскости.

Унизительная барщина развитого социализма в рассказе «Под Москвой». Дом отдыха, он же подвал ЧК и Гестапо (нет, не бывший, потому что такое бывшим не бывает). Его персонажи наблюдают природу, читают стихи, танцуют, едят снег: «идиотская роль счастливого супруга».

Покидание родины, но невозможность эмиграции из-за «расщепления судьбы», кошмарный, «против воли саксонский город К.» с вонючей речкой и больными деревьями, башенные циферблаты без стрелок...

А вот не менее дикий московский клубок уюта-неюта, дрызг-эмоций, от него один путь - в меланхолию: «Адам не был создан для работы или любви, а только для свободных прогулок».

Названия коротких рассказов, тоже короткие и точные, засевают в подсознании, продолжают скрестить его изнутри: «Счастье», «Ублюдки», «Скорпион», «На пляже», «Бешеный волк»...

Реальные, грязные и агрессивные подонки («Тараканы») по-кафкиански быстро (но не неожиданно) освоившие и испоганившие все бывшие человеческие места, мысли, чувства. И их не утопить в ванне, не избавиться, имя им - легион, в книге они сильнее. А в жизни?

Вот некто «в совершенно дикой дублёрке» уверен и способен уверить других:

«Предали и разворовали Россию. Дерьмократы. Олигархи-евреи. Ну, ничего, настанет царство правды. Раскулачат гадов». В общем, за родину, за Сталоне, на амбразуру, ура? Но герой книги - не герой, он исследователь, испытывает на себе клаустрофобию в «огромной тёмной стране, из которой вовремя унёс ноги, и в которую опять неизвестно зачем занесло». Его вопль «Зачем я припёрся?» можно поставить в ряд с основными-исконными: «Что делать?» и «Кто виноват?».

...Вонючие лифты, решётки и драный дерматин дверей. «Горе-горюшко!» - побылинному вопиет герой. «Законсервированная» на годы (на века!) квартира

покрыта жирным слоем пыли: «Из пыли вылетали какие-то мошки. Квартира походила на пустынную планету, на которой начало образовываться что-то биологическое. Вот оно - будущее».

Судьба для автора - нечто стихийно-закономерное, вроде тех ворон в больничном дворе, что методично и деловито выклёвывают глаз голубю - их больше, они сильнее и они неизбежны. «Ты всегда сам во всём виноват и от неминуемой расплаты могут спастись только мёртвые». - А это уже не только о птичках.

Мир мёртвых волнует автора едва ли меньше, чем мир живых. Мир живых -тоже мир прошлого, в настоящем же это мир не очень живых, почти неживых, если мир отождествлять с действием, всё равно каким. А жизнь - вот она, в виде «неизвестных науке апокалиптических зверей» на стенах сельского сортира. Студент-математик идёт «домой в коровник», где жили ранее коровы, да «сдохли в эпидемию». А раки в кипящей воде становятся «красивыми». Хотя иногда и достаточно убедительно умирающие и отпетые сельским батюшкой не умирают, а обречённо ждут следующей возможности.

Может ли быть симпатичен герой-неврастеник, страдающий клаустрофобией, латентный садист, лишь во сне отпускающий свои социальные и этические «тормоза»? Теперь от обратного: симпатичны ли все остальные? А вдруг они - это тоже он? Тогда всё затмевает одна общая неотвратимая жуть, как некий чёрный человек («На пляже»), носитель общего зла.

Эрос может быть фантомен, как ампутированное чувство, а живые женщины менее эротичны, чем выдуманные образы на картинке в альбоме репродукций. Жутковатые эротические фантазии, «окна другого мира», вплотную подводящие героя к другим искушениям. Он не поддаётся им вовсе не из-за моральных принципов, их, по его словам, у него нет. В этой игре-перескоке из реального в фантазию он как шарик пинг-понга в замедленной съёмке. Действие всех рассказов можно было бы назвать замедленным, даже вялотекущим. Таким может быть развитие недуга. Но тут-то автор сам в нужное время расставляет

все фигуры по местам, так что итог почти всегда уравнивает обилие фатальных исходов с очевидной радостью, но без щенячьего оптимизма. Это обречённая жизнерадостность выживших и просто оказавшихся рядом с трупами. Тут жизнь и смерть всегда рядышком, как две ноги в обыденных тапочках.

Выстроенный ряд логичен: кошмарные эротические фантазии о трёх толстяках. Устрашающая школьная училка - «пластилиновая змея с выпученными глазами». Жуткая история страны с «мстительным злым карликом со страшной сухой рукой и маленькой короткой ножкой».

А как же добро, оно ж победит? Если да, то случайно и, наверное, опять ненадолго. Ведь только бесконечного добра себе, окружающим и всему миру желает в пропахшем смертью доме добряк-пьяница Сенька («Силуши»). За это он готов нетолько пить горькую, но с показушным энтузиазмом в пьяном раже пожирает сырого рака. Однако экстравагантный тост-жертвоприношение не достиг результата, многие участники застолья впоследствии убиты хулиганами или, если повезло, сами... Зато «Сенька стал позже депутатом Государственной думы».